

А. С. Гольденвейзер

**Современная система
наказаний и ее будущее по
трудам парижского
пенитенциарного конгресса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
А11

A11 **А. С. Гольденвейзер**
Современная система наказаний и ее будущее по трудам парижского пенитенциарного конгресса / А. С. Гольденвейзер – М.: Книга по Требованию, 2013. – 134 с.

ISBN 978-5-518-06380-8

ISBN 978-5-518-06380-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тренія бѣды, которыя переживаетъ каждый народъ и которыя мѣшаютъ ему быть счастливымъ у себя дома, у каждого изъ нихъ свои собственныя и на свой особый ладъ. Но видимо въ области того зла, которое носитъ названіе преступности, различія этого не существуетъ и народы, живущіе на югѣ-ли или на сѣверѣ, на восточномъ-ли или на западномъ полушаріи, въ этомъ отношеніи несчастливы не каждый по своему, а всё одинаковымъ образомъ; страдаютъ они этимъ, какъ одной болѣзнію, съ одинаковыми симптомами, и всё ждутъ исцѣленія отъ одинаковыхъ средствъ лѣченія. Характеръ работъ конгресса въ этомъ отношеніи легко иллюстрировать спискомъ по національности разныхъ лицъ, представившихъ доклады по любому вопросу. Напримѣръ, по первому же вопросу программы—о рецидивѣ, мы имѣемъ печатные доклады: Tallack, секретаря общества Говардъ въ Лондонѣ; Berlet, французскаго прокурора; петербургскаго профессора Фойницкаго; Garafalo, профессора неаполитанскаго университета; Garçon, профессора лилльскаго университета; Armengol у Cornet, судьи въ Барселонѣ; Ruggles-Brise, официального делегата Англіи; van Hamel, амстердамскаго профессора; Turaldo-Bassia, доцента афинскаго университета; Reeve, директора тюрьмы въ Индіанѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Всѣхъ докладовъ на заданныя пенитенціарною комиссіею темы представлено 250, составляющихъ свыше 2500 печатныхъ страницъ. Но кромѣ докладовъ ко времени конгресса и специально для него издана масса разныхъ брошюръ, отчетовъ всякихъ филантропическихъ обществъ, а также специальныхъ изслѣдованій, статистическихъ сводовъ и историческихъ обзоровъ. Изъ такихъ документовъ парижскаго конгресса достойно особеннаго вниманія присланное японскимъ правительствомъ собраніе данныхъ въ шести томахъ in-folio, относящихся къ исторіи и современному состоянію пенитенціарныхъ учрежде-

ній этой страны. Изъ нихъ, между прочимъ, мы узнаемъ, что въ Японіи, гдѣ сравнительно не такъ давно еще за тяжкія преступленія подвергали казни не только самого виновника, но и отца его и его дѣтей, гдѣ до недавняго времени существовала смертная казнь въ такихъ квалифицированныхъ видахъ, какъ сожженіе, распятіе и распиливаніе,—за періодъ времени съ шестидесятихъ годовъ текущаго столѣтія введены въ дѣйствіе послѣдовательно два новыхъ кодекса по европейскому образцу, совсѣмъ отмѣнена смертная казнь, заведены тюремныя зданія и порядки, соотвѣтствующіе послѣднимъ требованіямъ пенитенціарной практики въ Европѣ, для установленія личности обвиняемыхъ примѣняются антропометрическіе приемы и т. д.—Интересна также историческая записка съ иллюстраціями о развитіи и современномъ состояніи пенитенціарныхъ учреждений въ Швеціи. Въ этой исторіи мы встрѣчаемся съ такими выходящими изъ ряда обыкновенныхъ фактами: началомъ для коренной реформы въ шведской системѣ тюремъ послужило сочиненіе: „О наказаніяхъ и тюрьмахъ“, анонимно появившееся въ свѣтъ въ 1842 г.; оно принадлежало перу наслѣднаго принца, впоследствии короля Оскара I. Нынѣ же царствующій король Оскаръ II для устройства исправительнаго заведенія уступилъ одинъ изъ старинныхъ дворцовъ съ прилежащими гранитными залежами стоимостью въ нѣсколько милліоновъ франковъ.—Чрезвычайно любопытную книгу издало также французское Société générale des prisons. Это, специально для иностранныхъ делегатовъ приготовленное, обстоятельнѣйшее обозрѣніе дѣйствующаго законодательства Франціи, какъ въ отношеніи наказаній, такъ и уголовной процедуры, а—главное—систематическое описаніе всѣхъ видовъ и родовъ карательныхъ и исправительныхъ заведеній страны. Объемистый томъ этотъ носитъ заглавіе: „Les institutions pénitentiaires de la France en 1895“.—Въ

этомъ изданіи достойна вниманія откровенность, столь рѣдкая въ подобныхъ случаяхъ, съ которою составители этого своднаго труда изображаютъ многія печальныя и неудовлетворительныя стороны своихъ отечественныхъ порядковъ; въ ряду такихъ указаній заслуживаетъ особой отмѣтки тотъ фактъ, что, не взирая на очевидную зловредность тюремнаго заключенія въ общихъ камерахъ и прямо вопреки изданному еще въ 1875 г. закону объ обязательномъ отбытіи наказанія по одиночной системѣ, во Франціи по настоящее время изъ 379 тюремъ всего лишь 25 надлежаще приспособлены для этого.

Помимо печатнаго матеріала въ видѣ докладовъ и словеснаго въ видѣ дебатовъ, для участниковъ конгресса имѣлся еще живой матеріалъ для изученія и сравненій, почерпаемый въ обзорѣхъ тюремъ и подобныхъ учреждений, какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ его; для послѣдней цѣли были организованы особыя экскурсіи въ центральную тюрьму Melun. — въ рабочий домъ Nanterre; въ колонію для несовершеннолѣтнихъ Douaigre и проч. Такимъ образомъ всестороннее ознакомленіе съ явленіями данной области было вполне обеспечено и, притомъ, въ наглядной и легко доступной формѣ. Въ этомъ отношеніи невольно напрашивается параллель между тѣмъ, какъ дѣло это обстоитъ теперь и какъ про жизнь и бытье заключенныхъ узнавали въ прежнія, даже и не столь отъ насъ отдаленныя, времена. Что же окажется, если по этому поводу сравнить „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій?“ Прежде никакихъ специальныхъ посѣщеній мѣстъ заключенія съ цѣлью ознакомиться съ ними, увидѣть собственными глазами, что дѣлалось за суровыми стѣнами тюрьмы, никто не предпринималъ. Объ этомъ знали и узнавали только тѣ, кто этимъ дѣломъ завѣдывалъ или кто самъ туда попадалъ. До современниковъ же свѣдѣнія о творившемся за этими стѣнами, о тамошнихъ бѣдахъ и страданіяхъ доходили только по какой

нибудь особой оказіи, по случайности. Вотъ если случалось, что въ этотъ адъ по какомунибудь стеченію несчастныхъ обстоятельствъ попадалъ выдающійся человѣкъ, которому удавалось живымъ уйти оттуда, то чрезъ него народы узнавали, что тамъ въ этомъ застѣнкѣ происходитъ. Можно подобрать примѣры, показывающіе, что только такимъ путемъ обыкновенно создавалась почва для реформъ въ пенитенціарномъ дѣлѣ, что прогрессъ тутъ происходилъ лишь благодаря такимъ особымъ личностямъ, которыя, испытавъ на себѣ ужасы заключенія, какъ подсудимые или рабы, сдумали потомъ краснорѣчиво повѣдать чело-вѣчеству обо всѣхъ пережитыхъ страданіяхъ.

Франція и въ особенности Парижъ высоко чтятъ память Венсентъ де Поля, который большую часть своей благочестивой жизни посвятилъ заботамъ о заключенныхъ, основалъ для этой цѣли нѣсколько общинъ сестеръ милосердія, носилъ титулъ королевскаго духовника галеръ Франціи. Онъ жилъ въ семнадцатомъ столѣтіи, а въ началѣ прошедшаго былъ канонизированъ. Его имени одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ храмовъ Парижа; въ тюрьмѣ же St Lazare въ молельнѣ всѣмъ посѣтителямъ указываютъ съ особымъ благоговѣніемъ на уголь, въ которомъ Венсентъ глубокимъ старцемъ почилъ отъ земныхъ трудовъ. Какъ же этотъ подвижникъ за страждущее чело-вѣчество получилъ первое указаніе, куда направить свое святое призваніе? А оказывается, что онъ въ молодости былъ захваченъ пиратами и проданъ въ рабство въ Тунисъ.—Точно также въ прошломъ столѣтіи знаменитый англійскій филантропъ, родоначальникъ всѣхъ современныхъ пенитенціарныхъ улучшеній, Джонъ Говардъ, первое знакомство съ дѣломъ, которому онъ посвятилъ свою благородную жизнь, получилъ отъ того, что попалъ въ плѣнъ къ французамъ и провелъ нѣкоторое время на галерахъ въ Брестѣ.—Италія о порядкахъ въ своихъ тюрьмахъ въ этомъ сто-

дѣтѣи узнала изъ печальной повѣсти юнаго политическаго преступника Сильвіо Пеллико: „*Mie prigion!*“.—Нужно ли говорить о томъ, какимъ „открытіемъ“ для русскаго общества въ этомъ отношеніи были „Записки изъ мертваго дома“ несчастнаго Достоевскаго?

Въ современномъ обществѣ пенитенціарныя учрежденія и тюрьмы отнюдь уже не могутъ считаться мертвыми домами. Самое многоразличное вниманіе нынче удѣляется имъ и наполняющему ихъ населенію. Фактически теперь всѣ мѣры борьбы съ преступленіемъ свелись почти исключительно къ тюремному заключенію; расплата съ преступниками производится одной монетою, которая чеканится изъ разныхъ видовъ лишенія свободы. Разнообразные же способы занятій и наполненія подневольной жизни заключенныхъ составляютъ непрестанную заботу правительствъ, людей науки и просто добрыхъ людей. Указаніемъ на повсемѣстныя усилія, дѣлаемыя съ этою цѣлью и въ этомъ направленіи, служить самый фактъ созыва конгрессовъ вродѣ парижскаго. На конгрессахъ этихъ пронесодитъ каждый разъ какъ бы ревизія уголовного права, въ особенности же его отдѣла, носящаго заглавіе: О наказаніи. Что таковъ внутренній смыслъ работъ конгрессовъ и объемъ этихъ работъ, подтверждается вполнѣ содержаніемъ хотя бы тѣхъ тридцати вопросовъ, которые составляли программу парижскаго конгресса.

Прежде всего, при изслѣдованіи мѣръ заключенія должно остановиться на различіи пола и возраста заключаемыхъ. Въ этомъ отношеніи въ данной программѣ имѣются такіе вопросы: въ какой степени необходимы для заключенныхъ женщины, въ отношеніи занятія ихъ работами, дисциплины и пищи, правила, отличныя отъ принятыхъ для содержанія въ мѣстахъ заключенія мужчинъ? не слѣдуетъ ли даже установить для женщинъ особые виды наказанія?—Что касается

дѣтей, то имъ посвящены восемь фундаментальныхъ вопросовъ, выдѣленныхъ даже въ особую, четвертую секцію.—Разнообразные запросы по отношенію къ жизни заключенныхъ вызываютъ ся: условія *физическія*; къ нимъ относится вопросъ программы: достаточно-ли принято во вниманіе при современныхъ тюремныхъ порядкахъ значеніе тѣлесныхъ упражненій для заключенныхъ? если недостаточно, то какія средства слѣдуетъ примѣнять?—условія *психическія*; къ нимъ—вопросы программы: каковы образцы должны быть исчисляемы срокъ наказанія для осужденныхъ впавшихъ въ душевную болѣзнь?—и болѣе общій вопросъ: какія мѣры должны быть принимаемы, въ видахъ общественной безопасности, противъ лицъ, совершившихъ преступленіе въ состояніи невѣжливости или неполной вѣняемости (слабоумія, душевной болѣзни и т. п.)?—условія *умственные*; къ нимъ—вопросъ: на какихъ началахъ должны быть устроены въ мѣстахъ заключенія школы и библіотеки? не слѣдовало-ли бы издавать для нихъ спеціальныя журналы или книги?—условія *нравственныя* (дисциплина и работа); къ нимъ цѣлый рядъ такихъ вопросовъ: въ какомъ видѣ и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ опредѣлять и исполнять надъ заключенными дисциплинарныя взысканія? съ точки зрѣнія дисциплины и исправленія лицъ, отбывающихъ наказаніе, представляется ли болѣе соответственнымъ выдѣлять и содержать особо наилучшихъ по нравственнымъ качествамъ, или же наиболѣе испорченныхъ? дабы оказывать на заключенныхъ полезное вліяніе не только внушеніемъ страха, но и поощреніемъ надежды на облегченіе участи ихъ, не слѣдуетъ ли расширить систему награды? допустимо ли вообще наказаніе лишеніемъ свободы безъ обязательной для заключенныхъ работы? но есть-ли работа необходимос условіе тюремнаго заключенія въ видахъ внутреннего порядка, огражденія и исправленія нравственно-

сти и сохраненія здоровья заключенныхъ?—и, наконецъ, *условія экономическія*: къ этому—вопросы: имѣютъ ли заключенные право на полученіе платы за производимую ими работу? или же выручка отъ работы должна возмѣщать расходы содержанія и можетъ лишь частью быть обращена для выдачи заключеннымъ и для особаго вознагражденія заслуживающихъ его? въ чемъ должны состоять мѣры къ тому, чтобы предотвратить мотовство освоенныхъ изъ тюрьмы выданными имъ деньгами, отчего они лишившись средствъ къ существованію, почти неминуемо впадаютъ въ рецидивъ?

Но если разнообразны вопросы, возбуждаемые жизнью заключенныхъ во время отбытія ими наказанія, то не менѣе серьезны и важны вопросы, какъ устроить ихъ бытъ по выходѣ изъ тюрьмы и предупредить возвращеніе ихъ на порочный путь. А важнѣе всего, принимать мѣры по отношенію къ преступникамъ, сверхъ принимаемыхъ во время и послѣ заключенія, еще, такъ-сказать, до заключенія, т. е., бороться съ нѣкоторыми условіями, особо ихъ поддерживающими. Все это послѣднее относится къ остроумно названной однимъ изъ докладчиковъ, творческой трилогіи современнаго міра преступленій: ниществу, пьянству и рецидиву. Каждому изъ этихъ явленій и посвящены принципиальные вопросы въ программѣ конгресса. Естественно, далѣе, чтобы на международномъ конгрессѣ было уделено вниманіе мѣрамъ, которыя должны быть принимаемы солидарно нѣсколькими государствами для борьбы съ преступностью. Относящіеся къ этому вопросы въ данной программѣ таковы: какія послѣдствія въ предѣлахъ одного государства должны имѣть приговоры уголовного суда другихъ государствъ? не слѣдуетъ ли международнымъ соглашеніемъ обобщить и объединить антропометрическіе приемы установленія личности привлекаемыхъ къ суду?—Приведеннымъ перечисленіемъ все еще не исчерпывается парижская програм-

ма. Мы въ ней встрѣчаемъ доклады и о совѣмъ новыхъ, пока еще ни однимъ кодексомъ непредусмотрѣнныхъ, преступленіяхъ, какъ-то: какія карательныя мѣры могли бы быть приняты противъ лицъ, подъ вымышленными предлогами побуждающихъ молодыхъ дѣвушекъ къ выѣзду за границу, съ цѣлью вовлечь ихъ въ развратъ? А также находимъ въ этой программѣ вопросы, касающіеся новаго вида наказаній—условнаго осужденія, и вопросы, направленные къ провѣркѣ достоинствъ такого стараго наказанія, какъ ссылка. Но и это еще не все. Особый вопросъ, вопросъ глубокаго интереса, относящійся уже не къ виновнику преступленія, а къ жертвѣ его, былъ формулированъ въ такомъ видѣ: въ достаточной ли мѣрѣ современное законодательство обезпечиваетъ лицу, потерпѣвшему отъ преступленія, возможность взыскать съ преступника вознагражденіе за причиненный ущербъ? Наконецъ, въ программѣ имѣется и такой вопросъ изъ области уже чисто законодательной техники: сохранить ли въ кодексахъ трехчленное дѣленіе преступныхъ дѣяній—на преступленія, проступки и нарушенія, или слѣдуетъ это дѣленіе упростить?

Вотъ какъ богата содержаніемъ программа парижскаго конгресса. Это богатство ся, конечно, было одною изъ причинъ, почему на самомъ конгрессѣ далеко не всѣ поставленные вопросы могли быть обсуждены и разобраны съ одинаковой обстоятельностью. Но такъ какъ наиболѣе прочный результатъ трудовъ конгресса заключается въ матеріалѣ, собранномъ въ предварительно составленныхъ докладахъ, то такое разнообразіе программы, несомнѣнно, увеличиваетъ ихъ какъ научную, такъ и практическую цѣнность. Для иллюстраціи того, какой интересъ можетъ представлять сборникъ докладовъ по каждому изъ этихъ вопросовъ, стоитъ остановиться хотя бы на послѣднемъ изъ перечисленныхъ, на томъ, который долженъ показаться совѣмъ скучнымъ и схоластическимъ:

поддерживать ли въ кодексахъ трехчленное дѣленіе преступленій, или отдать предпочтеніе двучленному?

Оказывается, что два доклада по этому вопросу стоятъ за трехчленное дѣленіе, одинъ за то, что совсѣмъ не нужно дѣленія, а остальные семь за двучленное. Но нужно ли вообще останавливаться на этомъ вопросѣ; можно ли въ немъ видѣть проблему, достойную спеціальнаго вниманія; существенно ли, какое тамъ будетъ дѣленіе, и не все ли равно, будетъ ли оно только на преступления и проступки, или къ этимъ двумъ категоріямъ присоединятся еще, въ качествѣ отдѣльной группы, нарушенія? Въ этомъ отношеніи мы среди докладовъ встрѣчаемъ мнѣніе, что въ томъ или другомъ дѣленіи нѣтъ ничего существеннаго, наряду съ другими мнѣніями, что отъ введенія именно того, а не другого изъ этихъ подраздѣленій зависитъ чуть ли не самое количество правонарушеній, какое будетъ совершено въ странѣ. Это разнообразіе и разнорѣчіе въ мнѣніяхъ, исходящихъ отъ лицъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ и условіяхъ, любопытно само по себѣ и придаетъ, притомъ, всестороннее освѣщеніе вопросу. Любопытно также видѣть, какъ одинаковыя мнѣнія высказываются по разнымъ основаніямъ, а противоположные аргументы приводятся въ подтвержденіе одного и того же мнѣнія. Напримѣръ, русскій докладчикъ защищаетъ практичность трехчленнаго дѣленія, хотя и не видитъ какихъ либо фундаментальныхъ причинъ, особенно за это дѣленіе стоящихъ (*bien qu'il n'y ait pas de principes fondamentaux qui militent en faveur de la division tripartite*); бельгійскій же докладчикъ думаетъ, что трехчленное дѣленіе имѣетъ за себя аргументы первостепенной важности (*des motifs de la plus haute importance militent en faveur du maintien de la division tripartite*); русскій утверждаетъ, что трехчленное дѣленіе само собою вытекаетъ изъ существа различныхъ правонарушеній (*l'esprit*

s'arrête tout naturellement au système tripartite); а французъ въ своемъ докладѣ говоритъ, что трехчленное дѣленіе „contraire à la nature des choses“. Различіе въ этихъ сужденіяхъ, конечно, происходитъ не изъ-за спора о словахъ или названіяхъ. Защитники двучленного дѣленія утверждаютъ, что въ наказуемыхъ дѣяніяхъ существуетъ только два кореннымъ образомъ различающихся вида: одинъ—тотъ, который обнищаетъ дѣянія, нарушающія права ближняго на жизнь, здоровье, свободу, имущество и проч.; а другой—тотъ, къ которому относятся дѣйствія, противныя лишь предписаніямъ властей, какъ-то: нарушенія полицейскихъ требованій, гигиеническихъ мѣропріятій и т. под. Въ причинахъ, вызывающихъ первый и второй изъ этихъ видовъ нарушенийъ, существуетъ капитальнѣйшее различіе; совсѣмъ иного рода духовное начало фигурируетъ въ дѣяніи, направленномъ на убійство, мошенничество или растрату, и въ дѣяніи, состоящемъ въ проживаніи безъ надлежащаго паспорта, въ охотѣ за дичью ранѣе дозволеннаго времени и т. п. Поэтому, совершенно различны должны быть и мѣры противодѣйствія тѣмъ и другимъ. Тогда какъ первыя коренятся въ умственномъ и нравственномъ недоразвитіи или извращеніи человѣка, вторыя ничего общаго съ такими сокровенными областями не имѣютъ. Поэтому, мѣры воздѣйствія на виновниковъ первыхъ изъ нихъ должны заключать въ себѣ многоразличныя средства, рассчитанныя на всѣ способы вліянія, какимъ душа человѣческая только доступна, въ видахъ образумленія и исправленія; для вторыхъ же мѣры эти исчерпываются простымъ противодѣйствіемъ, основаннымъ на угрозахъ непріятными послѣдствіями, вродѣ ареста или штрафа; тамъ имѣется въ виду искупленіе вины и исправленіе, а здѣсь только предупрежденіе законопротивнаго поступка. Первыя нарушаютъ основы общежитія и мало измѣнились числомъ съ начала историческихъ временъ: вто-